

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Художник *Соловьев Александр*

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Чужая кровь / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-699-98845-7

Роте капитана спецназа ГРУ Алексея Ветошкина поручено уничтожить банду эмира по кличке Старший брат Сатаны. Бандит с богатым уголовным прошлым получил такое прозвище как непревзойденный мастер ножевого боя. Известно, что, зверствуя на захваченных территориях, он не упускает случая продемонстрировать боевые навыки перед безоружными жертвами. Алексей тоже в совершенстве владеет ножом, и потому для него дело чести — сразиться с эмиром в поединке и развеять миф о его непобедимости. Эмир принимает вызов спецназовца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-699-98845-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Старший лейтенант Ветошкин, специалист по ножевому бою, командир взвода спецназа ГРУ, принял участие в операции ФСБ против иностранной агентуры, занятой уничтожением российских ученых, чья работа связана с деятельностью военно-промышленного комплекса страны. Он вернулся к себе в батальон с повышением в звании и сразу заступил на новую должность, куда его и прочили еще до отъезда, — стал командиром разведроты. И сразу, почти без отдыха, выехал во главе своего подразделения в новую командировку. На сей раз — на Северный Кавказ, чтобы принять участие в поимке кровавого бандитского эмира, который грозно называет себя Старшим братом Сатаны. Этот человек с богатым уголовным прошлым получил свое прозвище в среде преступников, где считался непревзойденным по хитрости и коварству ножевым бойцом. В задачу теперь уже капитана Ветошкина входило не только уничтожение банды, но и публичное развеяние мифа о непревзойденном ножевом бойце с Кавказа, который пытается стать примером для подражания среди своих молодых соплеменников.

ПРОЛОГ

Домой, в поселок, где располагался городок нашего батальона, я возвращался, как и рассчитывал, под утро, еще до начала рабочего дня, когда утренний туман только-только намеревался развеяться. Не случайно дорога из Москвы была выбрана именно ночная. Я еще раньше, когда ехал в Москву, убедился, что это удобно — движение минимальное. По крайней мере, его не затрудняют многочисленные тихоходные тяжелые фуры, поскольку дальнбойщики на ночь предпочитают собираться и ночевать в определенных местах. Да и остальное движение позволяет ехать на пределе допустимой знаками скорости. Благо мой «китаец» был еще молод и позволял двигаться так, как я хочу. Я ехал без задержек — посты ДПС мной ни разу не заинтересовались. Так я приблизился к «родным пенатам».

Сначала мне навстречу в свете фар попался шестой взвод первой роты, совершавший учебный

марш-бросок. Командир взвода, что бежал в противогазе первым, противогаз не снял, но я и так, по крепкой коренастой фигуре, узнал лейтенанта Николаева. Я дважды просигналил и приветственно поднял левую руку, забыв, что на улице еще не рассвело, а свет в салоне машины не включен. Николаев не остановился, не желая сбивать дыхание солдатам. Но голову в мою сторону повернул, хотя, конечно, по машине и не узнал, поскольку раньше видел меня только за рулем «Шевроле-Нивы». Да и стекла противогаза не настолько прозрачны, чтобы видеть сквозь них отчетливо.

Я проехал дальше, не останавливаясь. При тормозил в следующей низинке, где лежал короткий мостик через весенний ручей. Но до самого мостика я не доехал. Навстречу мне бежал другой взвод, без противогазов. Впереди, задавая темп, широкими высокими шагами бежал старший сержант Юханцев.

Это был мой взвод. Я остановился и вышел из машины. Остановился и старший сержант, а за ним и весь взвод. Я не знал, кто командовал взводом в мое отсутствие. Могли Юханцева оставить, могли прислать офицера из резерва бригады, где, как мне говорил командир разведроты капитан Телегин, сидели в ожидании назначения

на должность два лейтенанта. Я хотел было спросить своего замкомвзвода, но тут же из-за спин солдат выбежал лейтенант, мне незнакомый, подбежал, за отсутствием на голове головного убора козырять не стал, но лихо щелкнул каблуками берцев, принимая стойку «смирно», и доложил:

— Товарищ капитан, вверенный мне взвод совершает учебный марш-бросок. Командир взвода лейтенант Сидоркин.

— Вчера еще меня называли старлеем... — вяло поправил я Сидоркина.

Он мое недоумение и легкую растерянность уловил, причину сразу понял и объяснил то, чего я, говоря по правде, и ожидал:

— Вчера пришел приказ министра обороны. Выписку из приказа то есть прислали. Майор Васильков стал подполковником, капитан Телегин стал майором, а вы стали капитаном. Подполковник Васильков назначен нашим комбатом, майор Телегин стал вместо него начальником штаба, вас переводят на должность командира разведроты, а меня утвердили, товарищ капитан, на ваше место. Поздравляю, товарищ капитан, с новым званием и с новой должностью...

— Ты меня знаешь, лейтенант? — спросил я немного удивленно, поскольку сам я его не

помнил, хотя фамилия запоминающаяся. Да я любые фамилии запоминал так же легко, как номера телефонов. Даже если это были китайские или вьетнамские фамилии, часто неблагозвучные или смешные.

— Солдаты говорили... — признался лейтенант, отчего-то краснея, как девица. — Я услышал...

— Понятно. Продолжайте плановые занятия, — дал я команду и сел за руль...

* * *

Банда вошла в село, которое считалось районным центром, на рассвете, когда в небе были ясно видны только вершины гор, но в долины и ущелья свет еще только начинал проникать. Жители гор хорошо знали, что настоящий рассвет наступит резко и быстро, когда солнце выкатится из-за хребтов и зальет светом окрестности. Рассветы и закаты в горах всегда бывают стремительными, к этому нужно привыкнуть.

Эмир Омахан вошел в село последним, в окружении троих гази¹, которые держали дома на прицеле своих ручных пулеметов. Старший

¹ Гази — участник джихада, часто употребляется как обозначение ближайших и верных помощников эмира.

брат Сатаны всегда ходил так. Рядом с ним постоянно находились трое пулеметчиков.

Движения Омахана были медлительными и важными. Традиционный тюрбан на голове, по которому узнавали эмира, медленно колыхался в такт движению. Тюрбан был сделан из натурального шелка цвета чистого золота. Перо пристегивалось к нему настоящей золотой застежкой с крупными драгоценными камнями. Все это как-то не очень вязалось с камуфлированным костюмом и металлокерамическим бронежилетом, обшитым простым черным брезентом. Но это не заботило эмира. Хотя он и предпочитал говорить на аварском языке, как самом распространенном языке Дагестана, все же относительно совместимости деталей костюма предпочитал использовать русскую жаргонную фразу, которая, как ему казалось, была к месту в любой ситуации: «Меня это не «колышит».

Тюрбан в подарок Старшему брату Сатаны привез один из его моджахедов, прибывший из Ирака. Он забрал тюрбан из музея одного древнего города. Все брали себе что-то на сувениры или для последующей продажи. Взял и он. Раньше, как говорил моджахеду смотритель музея, тюрбан принадлежал самому султану

Салах-ад-Дину¹, представителю курдской династии, правившей практически всем мусульманским миром своего времени. А когда смотритель хотел помешать моджахеду забрать тюрбан, без уговоров и угроз получил короткую автоматную очередь в грудь. Так отмахиваются от мухи, когда она надоест. Возражений от других сотрудников музея не последовало. Они не желали походить на мух.

И вот уже почти полгода, как тюрбан украшал голову эмира Омахана. Он не посягал на лавры султана Салах-ад-Дина, он брал выше — называл себя Старшим братом Сатаны. И не забывал при этом добавлять, что старший брат для младшего всегда является учителем. Это подразумевало, что для людей он страшнее Сатаны.

Многие из местных жителей не принимали само понятие «сатана»², считая его сугубо хри-

¹ С а л а х - а д - д и н (Салладин) — султан, победивший армию объединенной Европы (крестоносцев), но разрешивший все-таки христианам построить в районе Иерусалима христианские храмы и создать Иерусалимское королевство, официально подчиненное арабам.

² Слово «шайтан», употребляемое в мусульманском мире, является только производным от древнесемитского «сатан» — противник. Таким образом, и понятие Сатаны исламу тоже не чуждо.

стианским и чуждым. Но так называли Омахана давно, еще когда он в очередной раз отбывал срок на «зоне», и не на родном Кавказе, а в Сибири. Ему кличка понравилась, и он продолжал ее использовать даже годы спустя, считая, что Сатана должен быть страшен всем, невзирая на вероисповедание. Как и его старший брат...

* * *

Сначала я, естественно, заехал домой. Жена только-только отправила дочерей в школу и на радостях так быстро приготовила мне завтрак, что я даже начал подозревать, что она по мне соскучилась. Позавтракав, я прицепил к камуфлированному костюму погоны, носить которые за несколько дней не отвык, и отправился в батальон с докладом.

Адъютант в приемной сменился, как и сам комбат. Прежний, как я подозревал, на пенсию вместе с подполковником Рыковым не вышел, но был куда-то отправлен для прохождения дальнейшей службы. Я за свою армейскую, недолгую еще жизнь ни разу не видел, чтобы адъютанты проходили тренировочные занятия вместе с другими офицерами, и потому никогда не понимал, где они могут служить в дальней-

шем, поскольку спецназовцы из них получиться не могут просто по воспитанному службой характеру. Скорее всего, их отправляют в другие войска. Новый адъютант меня знал, хотя я не знал его. Еще весной у нас пришло много новых лейтенантов, которых пристраивали куда только возможно, особенно в штабе, и со всеми познакомиться у меня возможности не было.

— Минутку, товарищ капитан, — сказал новый лейтенант, — я доложу комбату. У него сейчас начальник шифровального отделения.

И постучал в дверь кабинета. Меня он назвал капитаном, хотя видел на мне погоны старшего лейтенанта. Значит, тоже был в курсе моего повышения в звании и в должности. Я не удивился. Адъютанты всегда и все узнают раньше других — это уже традиция.

Сквозь неплотно прикрытую дверь я слышал доклад адъютанта и усталый, словно о чем-то сожалеющий голос подполковника Василькова:

— Приглашай...

Я «пригласился» сам, не дожидаясь действий лейтенанта. При моем появлении Александр Васильевич встал из-за стола, привычно мягкий, но при этом еще и по-комбатовски суровый. Комбаты все почему-то стремятся выглядеть

суровыми. Это я еще в училище заметил. Даже комбаты учебных батальонов. Должность, что ли, обязывает?..

Справа от Василькова стоял капитан Слонов, начальник шифровального отделения. В руке он держал традиционную свою папочку с замком-«молнией». Папочка была из искусственной крокодильей кожи и давно уже потрескалась, но капитан, привыкнув к вещи, не менял ее и разносил по отделам шифротелеграммы только в ней. Без этой папочки уже самого Слонова и представить было трудно.

— Как ты вовремя и как не вовремя шифротелеграмма относительно тебя! — загадочно сообщил подполковник Васильков. Он и в самом деле выглядел сильно уставшим. Вообще-то Александр Васильевич всегда отличался щепетильностью во всех делах. Я отсутствовал четверо суток. Надеюсь, не все это время Васильков принимал дела у прежнего комбата подполковника Рыкова и сдавал свои дела начальника штаба батальона капитану Телегину. Ну, с Телегиным-то еще можно было бы повременить. Как-никак они оба оставались в батальоне, и времени для передачи дел у них было достаточно.

С Рыковым было сложнее. Прежнего комбата нужно было отправить на пенсию, следовательно, он уезжал сначала в Москву для оформления документов, а потом к новому месту жительства. Вот с ним требовалось завершить срочно. А дел в батальоне уйма. Все требуется пересчитать, сверить, записать и передать под роспись. От таких забот будут уставшими глаза...

Но меня больше, чем глаза подполковника, заинтересовала его непонятная фраза, как вовремя я появился и как не вовремя пришла относительно меня шифротелеграмма. Фраза интриговала. Но я не стал переспрашивать, поскольку явился с уставным докладом о прибытии. Доложил. Васильков пожал мне руку, а следом за ним то же самое сделал и капитан Слонов.

— Приказ министра обороны тебе уже известен? — спросил комбат.

— Так точно. В общих чертах...

— И приказ командира бригады о назначении тебя командиром разведроты уже подписан и утвержден в Москве. Значит, с тебя банкет...

— Не заржавеет... — опрометчиво пообещал я.

— Может... — с сомнением в голосе общил Васильков, взял со стола шифротеле-